

РАСКАЗЫ

ГОРИ, ГОРИ ЯСНО

Колыбельных песен Ульяна не знала. А может, она просто не любила их, потому что казались они ей грустными. И своей дочурке она всегда напевала одно и то же — ту присказку, что она, веселушка и хохотунья, задорно выкрикивала, когда еще девчонкой играла с подругами:

Гори, гори ясно,
Чтобы не погасло.
Глянь на небо — птички летят,
Колокольчики звенят...

Напевала тихо, но весело и приговаривала:

— Вот полетят птички к папке, расскажут, какая у него доченька Танечка красивая, папка и придет. Победит и придет.

А ведь и впору было посылать отцу птичек, не видел он еще дочери, и приходили от красноармейца Григория Ершова белые треугольники — воевал Григорий.

Танюшке не исполнилось и двух месяцев, когда деревня проснулась от треска мотоциклов и криков на непонятном языке. Люди в касках и форме темно-серого цвета говорили, словно лаяли. Дом Ульяны и Григория — добротный, просторный — заняли сразу, в ней расположился немецкий офицер. Ульяну с дочкой выселили в сени. Могли бы, конечно, и вовсе вышвырнуть, но нужна была офицеру прислуга. Да и сама хозяйка — молодая, ладная, сбитая — привлекла капитана.

В этот вечер капитан приказал приготовить ужин, дал понять, что он сильно устал и будет отдыхать. Поужинав, он действительно сразу улегся в постель, приказав Ульяне не гасить керосиновую лампу, а оставить ее на окне. Капитан не доверял жителям деревни и предпочитал спать при свете.

А у Танюшки разболелся животик, и девочка, не переставая, плакала, плач переходил в крик. Ульяна, как могла, успокаивала дочь: укачивала, грела животик девочки, прижимая к своей теплой груди. Этого хватало ненадолго — и девочка снова начинала кричать. Ульяна понимала, что крик это не дает офицеру спать, что это может

Александр Борисович Жданов — поэт, прозаик, художник, искусствовед. Член Союза российских писателей и Творческого союза художников России. Родился в Баку. В 1982 году окончил филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. С 1989 года живет и работает в Калининградской области. Преподавал в школе, работал в газете, где прошел все этапы от корреспондента до главного редактора. Публиковался в журналах «Запад России», «Балтика», «Литературный Азербайджан», «Берега», «Литературная Армения» «День и ночь», «Великоросс», «Метаморфозы», «Новый свет» (Канада), «Дружба народов». Автор трех сборников стихов, шести книг прозы, альбома живописи и графики и трех учебных пособий по истории изобразительного искусства. Призер ряда международных литературных конкурсов. Постоянный автор «Невы».

рассердить его. Однажды офицер даже вышел в сени, прикрикнул на Ульяну, погрозил кулаком и снова улегся.

А девочка не унималась, кричала, извивалась. Ульяна прижимала ее к груди, укачивала, пыталась всунуть в ротик завернутый в марлечку хлебный мякиш. Потом стала было напевать свою песенку, как в сенях показалась освещенная сзади черная фигура капитана. Не говоря ни слова, он выхватил ребенка из рук матери и вернулся в комнату. Ульяна бросилась за ним, упала на колени, хватая офицера за ноги. Он вырвался из рук женщины, взял малышку за ноги, стукнул головкой об угол печи. Плач прекратился, отбросив тельце на пол, капитан прошел дальше и улегся на кровать.

Ульяна не закричала — завывала. И как была на четвереньках, так, продолжая выть, поползла в сени. Она ползла, пока не уткнулась лбом во что-то длинное, деревянное и округлое, словно ручку метлы или лопаты. Вилы! Ульяна не успела унести их с утра в сарай. Она сжала в руках черенок и некоторое время бездумно глядела на него. Потом тихо вошла в комнату.

Стоявшая на окне непогашенная керосиновая лампа освещала их с Григорием супружескую кровать, на которой спал капитан. Спал глубоко и спокойно, лежа на спине. Он слегка похрапывал, и горло под кадыком подрагивало и пульсировало.

Вилы вошли в это горло на удивление легко, и больше усилий понадобилось Ульяне, чтобы вонзить их глубже — сквозь перину в дощатый настил кровати, впечатать в кровать тело. Ульяна не глядела на то, как судорожно дергалось тело офицера, не слышала, как храп перешел в хрип. Она завернула в фартук тельце дочери. Особенно аккуратно прикрывая размозженную головку. Одной рукой она прижимала тельце к груди, а в другой несла зажженную керосиновую лампу. У сеней задержалась, с размаху швырнула лампу об пол, прикрыла дверь в комнату и вышла во двор, плотно закрыв дверь и вставив в щеколду болт.

Пламя занялось быстро, охватило весь дом. Соседи выскочили из своих домов, суетливо бегали, метались по двору, стараясь погасить огонь. Ульяна стояла посреди двора, прижимала к груди трупик дочери и, дико хохоча, выкрикивала:

Гори, гори ясно,
Чтобы не погасло.

Одна из соседок подбежала к ней, заглянула в безумные глаза, увидела страшный сверток в руках, попыталась отобрать его. Ульяна сначала прижимала тельце к груди, потом бессильно разжала руки, опустилась на землю и, стоя на четвереньках, мотала головой и приговаривала: «Гори, гори ясно...»

На следующий день немцы сожгли всю деревню.

* * *

Зима пришла рано. На Покров снег уже припорошил почерневшую от копоти и пепла землю, обгорелые бревна и несокрушенные огнем каменные печи. Из погреба вылезла молодая женщина. Она долго бродила, босая, по припорошенному снегом пепелищу, седые волосы рассыпались по плечам. Женщина прижимала к груди завернутое в косынку обгорелое полено и тихо напевала:

Гори, гори ясно,
Чтобы не погасло.

Глянь на небо — птички летят,
Колокольчики звенят...

По небу к югу летела вереница запоздалых гусей.

ПОДВАЛЫ ПАХНУТ ВОЙНОЙ

На следующий день мы вышли
из своего убежища.

Курт Воннегут

1

Сначала Басмач услышал вой. Пес приподнял голову и тут же уронил ее обратно на лапы: беспокоиться не стоило. Басмач давно уже привык к этому особенному вою, не похожему ни на собачий, ни на волчий, и научился не пугаться его. Даже мог различать разные особенности воя. Сейчас он знал: то, что воет, пролетит дальше. Мина и впрямь упала через несколько дворов от дома Старика, где и без того все разрушено.

Старик вышел из дома, встал на пороге и посмотрел туда, где прогремел взрыв.

— Снова стреляют? — совершенно ровным голосом спросил он. Не отрывая головы от лап, Басмач повернул ее к Старику. Короткие светлые, почти охристые брови на черной морде пса слегка приподнялись, пес дважды легко шлепнул хвостом по земле. От песка поднялось слабое облачко пыли.

— Понятно, — вздохнул Старик и вернулся в дом.

Басмач знал, что сейчас хозяин выйдет из дома со своей женой — пес звал ее для себя Доброй — и оба спустятся в подвал. Они станут звать с собой и его, но он не сдвинется с места.

Добрая оказалась на пороге первой. В руках она держала небольшую сумочку. Добрая подошла к псу, потрепала его по шее.

— Так и будешь лежать? — тихо спросила она. — Пошли, Басмачушка.

Пес вздохнул, глубже зарылся головой в лапы и с места не сдвинулся.

— Напрасно зовешь его, — услышал Басмач голос Старика, — не пойдет он.

Но сам Старик все же подошел и попытался позвать пса:

— Пошли уж, разбойник.

Голос у Старика тихий, но властный. В другое время Басмач подчинился бы беспрекословно, сейчас же остался лежать.

— Ну как знаешь, — сказал Старик и последовал за Доброй. Они спустились в подвал, Басмач смотрел им вслед. В подвал с хозяевами пес не спускался никогда. Подвалы он не любил. Подвалы пахнут войной и смертью — сейчас пес знал это точно.

...Тогда стояла зима, и жил Басмач не на окраине пригородного поселка, а в городском центре, и звали его... Надо же! Пес стал забывать свое прежнее имя. Впрочем, за последнее время у него было столько имен, что и не упомнишь... Да, стояла зима. Не очень суровая, скорее даже слякотная. Но то было странное время среди зимы, когда люди за чем-то несли в свои дома и квартиры пушистые и колючие елки и из каждого человеческого жилья пахло лесом. Люди почему-то суетились и старались выглядеть веселыми, но пес видел печаль в их глазах. Все же, наверное, это было хорошее

время, потому что и его старались угостить чем-то, что было гораздо вкуснее того, что он получал обычно.

А потом с той стороны, куда по вечерам уходило солнце, послышался свист, очень близко что-то прогремело и все содрогнулось. Пес очень испугался тогда, поджал хвост; он мелко дрожал и уже пополз, чтобы забиться в лаз под детской беседкой, который вырыли другие собаки. Но девушка из квартиры на третьем этаже схватила его на руки и понесла вниз. Девушка спускалась по ступеням, а пес все дрожал. Так пес увидел подвал, и подвал ему не понравился. Там нестерпимо пахло кошками, и казалось, что они обступают пса со всех сторон. Он почувствовал и другой запах — еще неясный, но от него становилось тревожно.

Девушка отнесла пса в глубь подвала и уложила рядом с собой. Зима стояла не злая, но в подвале было холодно. В выбитые окошки, те, что со стороны улицы наполовину вырастали из-под тротуара, а наполовину уходили вниз, влетал ветер и приносил с собой хлопья снега, но рядом с девушкой было тепло. Девушка поглаживала пса по голове. Надеялась, наверное, что тот уснет, но пес не засыпал. Он оглядывал все вокруг, потому что принюхаться пока не получалось. Он даже опешил поначалу. В пропащем котами подвале, казалось, запахи перемешались, и навис один густой общий запах. Но постепенно густота исчезала, и стали пробиваться запахи других собак. И пес увидел их: они несчастно сжались в странных, закрытых решеткой ящиках и печально смотрели оттуда. Ни за что на свете пес не согласился бы влезть в такой ящик. Потом он различил запахи кошек. Кошки тоже сидели в зарешеченных ящиках, но печали в кошачьих глазах пес не разглядел. Видимо, не впервой сидят они в заточении, привыкли. Странно: псу вовсе не хотелось лаять и бросаться на этих кошек. Молчали и другие собаки. Страх и предчувствие беды ослабили вражду. Постепенно пес убедился, что и люди пахнут по-разному. Все входило в привычную колею, и можно было успокоиться. Но тревожил прежний неясный запах.

Пес вздохнул. Все же, наверное, стоило подремать. Он улегся у ног девушки. Никогда не позволял себе пес сворачиваться дворняжным калачиком. Он спал, поджав задние и вытянув передние лапы, на которых лежала голова. Так ему было спокойнее, так он мог в любую минуту открыть глаза и видеть не только перед собой.

Дрема все-таки одолела. Пес дремал и чувствовал, как постепенно сгущается время, словно останавливается. Но время сгустилось не только для него. Многие уже перестали то и дело поглядывать на часы, смирились с тем, что здесь они надолго.

Короткую тишину разорвали разрывы снаружи. Это вывело людей из оцепенения. Кто-то заплакал, кто-то повторял без остановки: «Господи, когда же все это прекратится?» Человек с очень короткой стрижкой нервозно переключивал с места на место свой кейс, словно никак не мог его пристроить. Он оглядывал сидевших вокруг — то ли приглашал к разговору, то ли опасался любых разговоров. Пес отполз от теплых ног девушки и добрался до человека.

— Добрался? — приветливо спросил тот и тут же обратился к сидевшей рядом женщине: — Обычно собаки на меня бросаются, не любят, а этот... Словно поддержать меня приполз. Мы все на грани смерти, и он это чувствует.

— Будет вам! — в сердцах бросила женщина. — «На грани смерти». Накаркаете еще. Мужчина не ответил, протянул было руку, чтобы погладить пса, но передумал. Он уже заметно успокоился. Пес потянулся. Из окошка по-прежнему дуло, и снаружи ухали разорвавшиеся снаряды, но пес стал пробираться между сидящими людьми к этим окошкам.

— Куда ты, дурашка? — по-доброму окликнул его человек. — Убить ведь могут.

Пес не обернулся. Рядом захлебывался в крике малыш, а мать никак не могла успокоить его. Склоняя голову то налево, то направо, пес смотрел поочередно на женщину и на малыша. Затем подполз к ним и положил голову женщине на колени и ткнулся носом в ручку ребенка. Малыш перестал кричать, коротко хохотнул, потянулся ко псу и взял его за ухо. Пес не шевелился, только время от времени шевелил короткими охристыми бровями. А в выбитые окошки по-прежнему влетал ветер вперемешку со снегом...

Снаряд пробил стену, перекрытие дома и упал там, где сидела девушка. В общем крике, в поднявшейся кирпичной и известковой пыли пес не различал ничего, только чувствовал, как под его животом бьется маленькое человеческое сердечко. Потом стало темно.

Очнулся пес оттого, что две руки тащили его из-под завала. Следом достали малыша. Тот снова плакал.

— А песель-то героический, — услышал он над собой, — согрел мальчика. И вообще, не навались он на пацана, неизвестно, чем бы все закончилось. Матери малого вон ступни придавило.

Пса отнесли в палатку, где противно пахло лекарствами, и человек с повязкой на лице больно ковырялся у него в спине. Дважды что-то звякнуло в белой металлической ванночке. Соскочить со стола и убежать псу не давали ремни, которыми за чем-то привязали к столу его лапы.

— С боевым крещением тебя, хвостатый, — дружелюбно сказал человек, снимая с лица маску. — Отлежишься сегодня, а завтра определим куда-нибудь.

Ночью пес уполз.

2

Теперь пес жил от двора ко двору. Уйдя ночью от пропахшей лекарствами палатки, он отлежался в развалинах. Там было хорошо. К ночи сильно похолодало, ветер стал резким, а прежде липкие хлопья снега — сухими и колючими. От ветра и снега укрывали развалины, а колючие снежинки не били по глазам и по носу. А что спину холодило, так то к лучшему: раны на спине болели меньше.

Отлежавшись, пес побрел. Он пробирался из двора во двор и всюду видел выбитые окна и пробитые стены. И везде люди спускались в подвалы, он же подвалов сторонился. Пса встречали приветливо, особенно дети. Пес позволял им гладить себя и изредка брать на руки. Угощение принимал с достоинством, не набрасывался с жадностью на еду, а, прикрыв ее лапами, ел. Поев, мог из благодарности раза два вильнуть хвостом. Но подолгу на одном месте не задерживался. Он шел, не сбиваясь с пути, не возвращаясь к прежним местам, словно раз и навсегда заучил предстоящий маршрут и строго следовал ему. Задерживался он лишь в тех дворах, где было тревожно, где люди, заслышав уже хорошо известные псу свист и вой, выходили из домов, с тревогой всматривались в небо и поспешно спускались в подвалы. Пес за ними не шел. Он оставался снаружи. Он ждал, когда, отсидев внизу какое-то время, люди выберутся из своих убежищ и первым делом посмотрят в небо. У выходящих из подвалов людей были особенные лица: безысходность и надежда прочно сплелись в них. Пес ждал и всегда безошибочно определял, к какому отчаявшемуся старику или плачущему ребенку он должен подползти. Дети переставали плакать, старики чуть заметно улыбались. Они возвращались в свои полуразрушенные жилища.

Но из этих полуразрушенных и разрушенных жилищ жителей вывозили люди в бронежилетах и касках. Рядом с ними псу было спокойно. Эти люди уводили под

руки стариков, уносили на руках детей, узлы и коробки, которые жители успевали собрать. И пахло от людей в бронежилетах и касках спокойствием и добром. Автомобили со спасенными уезжали туда, откуда по утрам приходило солнце. Пес обыкновенно находился рядом, словно провожал уезжавших, но ни разу не попытался запрыгнуть в автомобиль. Пес возвращался к оставшимся в полуразрушенных домах.

Он давно уже ушел далеко от того дома, где его унесла в подвал девушка, а потом две сильные руки вытащили его из-под завала, где человек в маске на лице ковырялся у него в спине. Много забывалось, и пес обитал теперь там, где дома поднимались не выше двух этажей, а вокруг раскинулись сады. Деревья, правда, стояли еще без листьев. Но и сюда прилетали снаряды.

С девочкой они столкнулись неожиданно. Пес бежал, склонив голову, девочка выходила из-за угла, и пес ткнулся головой в ее ноги. девочка не испугалась. Она присела на корточки и погладила пса по голове. Пошел непредсказуемый февральский снег.

— Тебе, наверное, холодно? — спросила девочка, расстегивая куртку и прикрывая пса полкой. Полы едва хватало, чтобы прикрыть голову пса, но он благодарно зарылся носом девочке под руку.

— Какой ты хороший! — голос у девочки не тонкий, а с небольшой хрипотцой, что почему-то успокоило пса. — Будешь жить с нами? Со мной и с мамой? Пошли.

Девочка поднялась, поманила пса. Он последовал за ней. Шли недолго, и девочка привела пса к двухэтажному зданию. Пес увидел несколько выбитых окон.

— Вот здесь мы живем, — девочка указала на окна на первом этаже. — Правда, целой осталась всего одна комната, но ты все равно заходи.

Пес остановился и дальше не шел.

— Что же ты? — продолжала девочка. — Пойдем. Мама ругаться не будет.

Но вместо того, чтобы пойти за девочкой, пес улегся перед дверью.

— Не хочешь? А! — догадалась девочка. — Ты будешь охранять нас? Ты очень хороший. Тогда до завтра.

Два дня она не отпускала пса от себя. На третий день люди в бронежилетах и касках помогали девочке и ее матери грузить вещи в автомобиль. Девочка опустилась перед псом на корточки и обняла его за шею.

— Мама, мы же возьмем его с собой? — подняла она к матери глаза, в которых уже поблескивали слезы. — Посмотри, какой он славный и добрый. Он будет охранять и защищать нас.

Женщина присела рядом с дочерью, посмотрела на пса. Их взгляды встретились. Короткие охристые брови пса сейчас удивленно вскинуты. Взгляд пса выражал спокойную уверенность.

— Мне кажется, Ирочка, что твой друг сам не хочет уезжать, — тихо сказала женщина. — Кажется, у него еще есть здесь дела. Наверное, он хочет охранять и защищать тех, кто нуждается в этом больше нас.

Девочка на мгновение ослабила объятия и слегка отстранилась, чтобы посмотреть на пса. Тот тут же выскользнул из рук девочки и отполз недалеко. Он долго смотрел, как женщина с девочкой погрузились в автомобиль, как захлопнулась дверца, как автомобиль поехал и как девочка смотрела из заднего окна на оставшегося друга. Пес все еще чувствовал на своем носу слезу девочки. Внезапно он сорвался с места и помчался за удалявшимся автомобилем. Потом так же внезапно остановился, развернулся и засеменил назад.

3

Ко двору на самой окраине поселка, почти в деревне, пес добрался весной. И сразу столкнулся с женщиной. Она стояла перед калиткой и смотрела вдаль. Люди часто стали смотреть в ту сторону, куда по вечерам уходило солнце и откуда прилетали снаряды. Пес уже знал это. Знал, что смотрели, словно ждали прилетов, надеясь при этом, что их не будет.

Пес примостился у ног женщины. Как всегда, он не стал сворачиваться калачиком, а поджал задние лапы, вытянул передние и положил на них голову.

— Ишь ты! — слабо улыбнулась женщина. — Воспитанный. Благородный, служебный.

Голос женщины показался псу добрым. Она тихо склонилась над псом и осторожно протянула руку к его голове. Пес повел короткими охристыми бровями и легко стукнул хвостом по земле.

— Позволишь? — таким же добрым голосом спросила она и погладила пса по голове. Тот прикрыл глаза, доверчиво перевернулся на бок и растянулся. «Добрая», — решил пес и зевнул.

— Что же это я? — всплеснула руками женщина. — Голоден, поди. Обожди. Я сейчас.

Добрая вернулась с миской. От миски вкусно пахло. Добрая поставила миску перед псом, отошла к дому, скрестила руки на груди и, склонив голову набок, смотрела на пса. В дверях, опираясь на палку, показался седой человек. «Старик», — уже привычно определил пес. Старик подошел к Доброй, обнял ее за плечи и спросил:

— Этот, что ли, твой благородный и воспитанный гость? А ведь и верно — воспитанный. Гляди, с каким достоинством ест. Ладно, пусть остается.

Старик говорил негромко, но властно, и пес уже знал: Добрую он, пес, будет любить. Но хозяином его станет Старик. Поев, пес облизнулся, поднялся, с достоинством подошел к старику и улегся у него в ногах.

— Понимает субординацию, — улыбнулся Старик. — Так и быть. Поставим его на довольствие.

— Интересно, как его зовут? — спросила Добрая.

— Кто ж его знает, — Старик с хитрым прищуром смотрел на пса. — Придумаем новую кличку. Будет он у нас Басмачом.

— Басмач? — переспросила Добрая. — Почему Басмач?

— Помнишь, мы служили в Кушке? И у нас в батальоне, и во всех батальонах и полках всех приблудившихся псов солдаты называли Басмачами. География, наверное, обязывала. А сейчас время военное. Армейская кличка вполне подойдет.

Для Басмача Старик сколотил во дворе будку...

* * *

Басмач полюбил время, когда до того голые ветки деревьев становились кудрявыми, и от них долетал легкий аромат. Доносился от деревьев и слабый гул, но этот гул не был похож на тот, после которого гремели взрывы. То гудели роившиеся вокруг деревьев жуки. Басмач никогда не видел их вблизи, но чувствовал, что лучше держаться дальше от них. Наверное, Старику и Доброй тоже нравилось это время. С чего бы иначе стали они чаще выходить во двор, садиться на деревянную лавочку и подставлять лица солнцу. В такие минуты Басмач выбирался из своей будки и ложился у них в ногах.

Почти одновременно услышал Басмач звук подъезжавшего автомобиля и почувствовал запах новых людей. К калитке шли трое. На всех были бронежилеты, но Басмач

уловил, что среди них одна девушка. На плече у нее висела сумка, а от сумки пахло так же противно, как и в той палатке, где человек с белой маской на лице копался у пса в спине. Басмач привстал и, посмотрев на Старика, словно ища от него одобрения, зарычал — пока еще слабо зарычал, внутри себя.

— Отставить, Басмач! Свои, — приказал Старик.

Басмач снова улегся. Все трое вошли во двор. Один из гостей был бородат. Он сразу тихо о чем-то заговорил со Стариком, а девушка (Молодая — определил Басмач) села было рядом с Доброй, но, пристально посмотрев на Басмача, опустила рядом с ним на корточки.

— Ой, песик, а я тебя знаю, — голос у Молодой чистый и свежий.

— Дима! — закричала она Бородатому. — Посмотри, кого мы здесь встретили! Это тот самый песель, который мальчонку собою накрыл.

Потом снова склонилась над Басмачом. Она поглаживала его по голове и говорила:

— Что же ты, бродяга, убежал тогда? Доктор тебя долго искал... А малыш жив, и мамка его жива.

Молодая обернулась к Доброй, поднялась и, усаживаясь рядом с Доброй, сказала:

— Он у вас герой, Нина Андреевна.

Бородатый тем временем все еще разговаривал со Стариком:

— Ну что, Павел Петрович, надумали? Едем, товарищ полковник, или как?

Старик оглянулся на жену.

— Нет, Димочка, повременим пока. На кого мы все это оставим? Бог даст, все обойдется, — ответила за мужа Добрая.

— Ладно, оставайтесь. Если что, мы на связи, — сказал Бородатый, обнимая Добрую и пожимая руку старику.

— И ты оставайся пока, спасатель, — потрепала Молодая Басмача по загривку.

Они уехали, а Добрая почему-то тяжело вздохнула, глядя им вслед.

* * *

Басмач все помнил и, если бы мог, рассказал Старику и Доброй, но они спустились в подвал, а он, как всегда, остался. И тогда он снова услышал вой. На этот раз вой вызвал тревогу. Басмач вскочил и беспokoйно заметался по двору. Где-то очень близко разорвался снаряд. Басмач добежал до канавы у огорода и спрятался там.

Так громко и близко от Басмача снаряды еще не рвались. Басмач почти ничего не слышал и все видел сквозь пелену. Деревья, забор плыли перед ним. Пошатываясь, пес выполз из канавы и доковылял до дома, но дома не нашел. Слух и зрение возвращались медленно, но нюх работал. Басмач уловил знакомый запах из-под груды кирпичей. Он несколько раз тявкнул — из глубины никто не отозвался. Пес залаял громче — и вновь тишина. Может быть, он просто не слышал слабые звуки из-под завала. Тогда он бросился к тому месту, откуда за несколько минут до этого Старик и Добрая спустились в подвал. Скуля и повизгивая, он принялся рыть, осколки кирпича и стекла вонзались в лапы, но пес рыл.

— Басмач, Басмач, — услышал он над собой, — они там?

Пес заскулил и принялся рыть ожесточеннее. Бородатый, Молодая и тот, третий, разгребали завал. Басмач нервно поскуливал и бросался к ним под руки. Наконец засыпанные известкой и землей хозяева выбрались наружу.

Старик и Добрая стояли посреди двора. Одной рукой старик опирался на палку, другой обнимал Добрую за плечи. В руках Добрая держала ту сумочку, с которой спу-

стилась в подвал. Дома не было. На груде кирпичей дотлевали доски. Сгорела и будка Басмача.

Бородатый открыл дверцу автомобиля.

— Все, друзья мои, хотите, нет ли, а едем. Будем грузиться, — сказал он. — Есть что из вещей?

— Какие вещи, Димочка? Все здесь, — приподняла Добрая сумочку. — Наши документы и награды Павла Петровича.

— Тогда в машину!

Бородатый посадил в автомобиль Добрую, рядом сел Старик.

— А ты что, отдельного приглашения ждешь? — спросил Бородатый Басмача и открыл заднюю дверцу. — Давай запрыгивай.

Басмач не двигался. Бородатый шагнул к псу — тот отступил на шаг.

— Брось капризничать, — Бородатый направился к Басмачу, надеясь ухватить его за ошейник. Пес вырвался и отбежал.

— Ничего не пойму! Ты едешь или нет?! — Бородатый начинал сердиться.

— Оставь его, Дима, — Молодая тронула Бородатого за плечо. — Не поедет он. Он всегда остается. С теми, кому он нужнее, что ли...

— Надо же, — пожал плечами Бородатый, а Молодая смахнула что-то со щеки кончиком мизинца.

Автомобиль удалялся. Басмач хотел было побежать следом, как когда-то за автомобилем, увозившем девочку, но, сделав несколько шагов, остановился. Как и в тот раз. И только коротко заскулил.

...Солнце уходило туда, откуда прилетали снаряды. Одинокий пес семенил в самые дальние дворы. Скоро до него стали доноситься отдельные запахи и голоса людей. Люди там тоже были одиноки.